
Олег МАСЛОВ

НАДЕЖДА

Как на картине Васнецова —
Российских три богатыря...
Когда кроваво и свинцово
Вставала красная заря,
В тот непроглядный мрак осенний
За весь измученный народ
Блок, Маяковский и Есенин
Восславили ее восход.
Такие разные поэты
По музе, а судьба одна —
Судом раскаянья всесветно
Судила каждого она.
И обернулся высшей мерой
Для всех суровый приговор —
За поруганье отчей веры,
Братоубийственный раздор,
За прославленье лжемессии,
Попранье родственных основ
И превращение России
В стан негодяев и рабов.
Как будто не они с народом,
А с ними заодно народ
Во имя мира и свободы
Обрек на жертвы и невзгоды
Себя в тот судьбоносный год.
Сдержись они от славословья
Разгулу ненавистных сил —
И сбереглись бы и сословья,
И все устои на Руси.
Ведь испокон народом мнилось,

Что глас поэта — вещий глас...
Да, видно, так вот и казнились
Они в свой исповедный час.
Свою судьбу провидел старший,
И в белом венчике из роз
Ему мерещился шагавший
В стынь безвоздушную Христос.
Другой, свирепствуя и мучась
За весь творящийся содом,
Предрек себе лихую участь
В зеленый вечер под окном.
А самый ярый из бессмертных,
Когда возмездья грянул гром,
Собратьев принял эстафету,
Сравнив себя с косым дождем.

Я в юности был правым стариком:
Воспитан в духе времени что надо,
Я знал бездумно чуть ли не с детсада —
Что было, есть и сбудется потом.

Все интересы личные поправ,
Но к судьбам человечества участлив,
Назло врагам, я был фатально счастлив,
Поскольку исторически был прав.

Но счастье в том — теперь судить берусь, —
Что, хоть и оболванивший порядком,
В судьбе моей действительно был кратким
Стальным перстом указанный мне курс.

А все ж закваска даром не прошла,
И до сих пор, как генную преграду,
Крушу в своем сознании баррикаду,
Что классовая ярость возвела.

И хоть еще нет-нет да поделю
на «наших» и «не наших» мир единый, —
Все больше, невзирая на седины,
Постичь его пытаюсь и люблю.

И стала открываться не спеша
Всему, что ждет участия и совета,

Десятки лет таимая от света
Запретная субстанция — душа.

Кому пенять, что жизнь прошла в пустом
Гореньи за великую идею?..
Я был когда-то умным стариком,
И лишь теперь, глупея, молодею.

ЕЩЕ О ЛОШАДЯХ

Ямщик, не гони лошадей...

Из старого ромansa

Глашатаем счастья и света
Спешит по планете Прогресс...
Летит в занебесье ракета,
Рождает энергию ГЭС,
Растут города-исполины,
И всюду, куда ни взгляни, —
Машины, машины, машины
Взамен быстроногой родни.
Вся жизнь оказалась во власти
Своих же лихих скоростей,
Да только ни света, ни счастья,
Увы, не прибавилось в ней.
Попутчиков вроде бы много,
А не с кем свой путь разделить —
Давно уж на наших дорогах
Нам некого больше любить.
И чем он становится уже,
Кружок наших братьев меньших,
Тем все отрешенней и вчуже
Глядим на себя же самих.
И зримей тавро роковое,
Что выжжено адским огнем:
Погубим вокруг все живое,
И сами себя изживем.
Ужель по вине человечьей
Земля превратится в погост,
И станет нам памятью вечной
Над Летою Аничков мост?!
А жизнь так желанна, но нечем

Смертельную гонку смирить...
Постой, оглядись, человече, —
Нам некуда больше спешить.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Среди всеобщего развала
Одна надежда — этот вид:
Колонна мраморная пала,
А рядом дерево — стоит.

* * *

Я рос в те годы на Амуре,
Когда запела вся страна,
Что здесь и тучи ходят хмуро,
И тишина напряжена,
И все зловещее зарница
Блестит в заречном далеке,
И хороша лишь та граница,
Где все заставы на замке.
И чуждость той поры тревожной,
Что смалу в кровь и плоть вошла,
Не только по реке таежной,
Но и по жизни пролегла.
Да, были споры и раздоры,
Но сколько зверем ни рычи,
И к пограничным тем запорам
Пришел черед искать ключи.
И вот уже открыты двери,
И приготовлена хлеб-соль,
А горький привкус недоверья —
Как недолеченная боль.
Хоть на лице улыбка дружья,
А все ж не верится пока,
Что мир надежней без оружия,
Как и граница — без замка.
Что ж, может быть, и не успеем
Мы, дикой эры старики,
Избыть вражду и по музеям
Раздать кордонные замки.
Но зря б мы прожили на свете,
Когда бы детям довелось

Принять от нас как эстафету —
И нашу хмурь, и нашу рознь.
Довольно злобе ненасытной
Того, что судьбы их отцов
Траншеями борьбы изрыты
Сильней амурских берегов,
И их инфарктные сердца
Болят, но бьются до конца.

ВЕСНА

Ломается лед на Амуре,
Как ритм в футуристском стихе,
И с той стороны, как от хмури
Очнувшийся, смотрит Хэйхэ.
Пока еще только подвижка,
Еще впереди ледоход,
Но треснула стылая крышка
Под натиском вздыбленных вод.
Хоть реку в страду ледолома
Немыслимо вплавь пересечь,
Но в радости вешнего грома —
Предчувствие дружеских встреч.
Ведь дико — как тут ни усердствуй,
Иным не значишь спроста, —
Что столько живем по соседству
И нет между нами моста.
На все, что сулило погибель,
Вконец берега извели,
Колючие стены воздвигли,
А мост — до сих пор не смогли.
Но верится — прежние смуты
Умчит с ледоплавом весна,
И сгинут державные путы —
Везде и на все времена.
